

Тата Орлова

вбoквeл к ромaнaм циклa «Aнaстaсия»

*Путеводная
звезда*

ромaнтичecкoe фэнтeзи

MOCKBA
T8 RUGRAM
2021

УДК 821.161.1
ББК 82(2Рос-Рус)6
О-66

Орлова, Т.

О-66 Путеводная звезда / Т. Орлова. – М. : Т8 Издательские технологии / RUGRAM, 2021. – 298 с. – (Анастасия).

ISBN 978-5-517-03948-4

Их свела любовь, но развела судьба, разбив на осколки оба сердца и навсегда оставив в памяти образ другого.

Её дорога вела под венец, оставляя надежду на тихое семейное счастье, его – на войну, в горнило боли и отчаяния.

Но рок непредсказуем. Сегодня он щедро одаривает, завтра.... Завтра он лишает своей милости, меняя цвета на шахматной доске жизни, и подводя к той грани, за которой будущее кажется совершенно беспроблемным.

Но даже в этой, совершенно трагичной ситуации, ты продолжаешь жить, пока не покинула вера. И свет. Свет путеводной звезды, которой станет для них вспыхнувшая когда-то любовь.

BIC FA
BISAC FIC009000

ISBN 978-5-517-03948-4

© Тата Орлова (Наталья Бульба), текст, 2021
© Яна Цилибина, обложка, 2021
© Т8 RUGRAM, 2021
© Т8 Издательские технологии, 2021

Пролог

За два года до событий

Магический светильник лишь слегка разгонял темноту рядом с креслом, в котором я сидела, но этого было достаточно, чтобы разглядеть решимость на лице стоявшего в двух шагах от меня Эндрю.

— Своего мнения ты не изменишь. — Я не спрашивала, говорила твердо. Кто угодно, но только не он! Кремень!

Матушка как-то сказала, что в их роду мужчины все такие. А потом вздохнула, словно сожалея.

И ведь права! Не окажись князь Изверев столь упертым, выступая против войны, которую собирался объявить Ритории император Ксандр, этот разговор шел бы совершенно в иной тональности.

— Не изменю! — Эндрю приблизился, опустил передо мной на корточки, взял ладони в свои: — Если бы я был уверен, что ты станешь моей...

— Я готова стать твоей прямо сейчас! — не дала я ему закончить, прекрасно понимая, что должно было последовать дальше.

— ...моей женой, — продолжил он, словно меня и не услышав. — Когда-нибудь ты поймешь, что иначе я не мог. Честь рода...

Я вновь его перебила:

— Я знаю, что такое — честь рода. И понимаю, о чем ты говоришь, но... — я не сдержалась и всхлипнула, представляя свои будущие перспективы.

Граф Орлов или граф Илинский.

Оба, с точки зрения отца, весьма подходящая для меня партия. Фамилия не из последних, богаты, при чинах и с хорошей перспективой на будущее.

Один, как и его батюшка, пошел по военной стезе, второй служил в Канцелярии розыскных дел. Оба недурны собой, оба получили прекрасное образование. Оба в том возрасте, когда юношеская ветреность уже в прошлом и как раз наступила пора подумать о семье.

Чем не женихи?!

Все было так, но я любила другого. И этот другой сейчас прощался со мной. Возможно, навсегда!

— Эвелин, — он поднес мою ладонь к губам, коснулся мягко, бережно, — ты всегда будешь моей путеводной звездой! Чтобы не случилось, куда мы меня не занесла судьба, я буду помнить.

— Это нечестно! — я вырвала руку, резко поднялась, отошла к окну, тяжело оперлась на деревянный подоконник.

Там, на площади, танцевали и веселились, празднуя рождение у императора внука.

Первого внука...

— Да! — согласился он со мной. — Это нечестно, но... — он не договорил, приблизившись ко мне.

Я надеялась, что прижмется хоть на мгновение, одарит своим теплом, нежностью, но он лишь положил рядом с моей ладонью маленький кулон на тонкой золотой цепочке и решительно вышел из номера, только и бросив напоследок:

— Будь счастлива!

Как это сделать, когда сердце расколото на крошечные кусочки, князь Андрей Изверев мне не сказал.

Глава 1

Доносившийся из-за двери спальни шум пробился сквозь усталую дрему, заставив не только открыть глаза, но и приподняться, упершись локтем в одну из подушек.

— Эвелин!

Я не ошиблась, посчитав, что причиной суеты стало появления Георгия.

Последние три месяца граф мотался с поручениями императора, появляясь в столице на несколько дней и вновь отбывая на границу с Ритолией. Два года войны, измотавшие и нас, и их, не привели империю к победе, а княжество — к поражению.

Оскудневшая казна, недовольная политикой аристократия, обедневший народ. Все хотели мира. И — мы, и они.

Граф Георгий Орлов, вот уже полтора года как мой муж, был среди тех, кто имел возможность этот самый мир приблизить.

— Ты хотел сына, — измученно улыбнулась я, когда он стремительно прошел через всю комнату и, сдвинув одеяло, которым была укрыта, присел на край кровати.

— Я хотел ребенка! — в его глазах я увидела мягкий укор. — Нашего с тобой ребенка! — Георгий наклонился — похоже, собирался меня поцеловать, но тут же отпрянул, огорченно вздохнув.

Его одежда была пыльной, как и лицо.

— Сколько лошадей загнал? — качнула я головой, вновь откидываясь на подушки.

По словам магианны, роды были не самыми тяжелыми.

Но это — смотря для кого.

— Неважно! — Георгий смотрел на меня.

Даже если это была не любовь, что-то очень близкое к ней.

Увы, ответить ему тем же я не могла. Уважала, гордилась, была уверена, что мне повезло с мужем. Бывали дни и ночи, когда считала себя счастливой, но мое сердце потерялось где-то там, в горах Ритолии.

Безответно, без надежды.

— Она красивая, — я зевнула, чувствуя, как закрываются глаза.

Первые схватки начались больше суток назад.

— Она похожа на тебя, — мягко, словно летний ветерок, выдохнул он и поднялся. — Отдыхай.

— Ты не уедешь? — нашла я в себе силы спросить.

— Нет! — качнул он головой. — Не раньше, чем через месяц.

Возможно, он еще что-то добавил — мне казалось, что там, в мягкости сна, я продолжала слышать голос мужа, но так ли это было...

Проснулась я резко, вскинулась на прозвучавший где-то далеко крик. Такой беспросветный, отчаянный, прощальный.

И имя. Мое имя. Эвелин!

— Тише, тише, — придержав за плечи, Георгий вернул меня на подушки. Когда я посмотрела уже осмысленно, заботливо спросил: — Подать воды?

Я прислушалась к своим ощущениям, не поднимаясь, качнула головой — нет.

— Ты почему не отдыхаешь? — поинтересовалась в свою очередь, когда Георгий, как и днем, присел на край кровати.

Был он в домашней одежде.

Белая рубашка из тонкой ткани с узкой полоской кружева, украшавшего большой воротник и широкие манжеты, стягивавшие рукава на запястьях. Верхние пуговицы расстегнуты, открывая смуглую от загара кожу и кучерявый волос на груди.

Простые серые брюки, черный кушак, повязанный на талии.

Граф Орлов никогда не слыл сердцеедом, что не мешало ему быть по-мужски привлекательным. Резковатые черты

лица, густые брови, тонкой полоской сросшиеся на переносице, нос с горбинкой, упрямые губы, твердый, непоколебимый подбородок.

Мое сердце признавало его спокойную, выверенную красоту, но продолжало мечтать о другом.

Как бы поздно при этом ни было.

— Пытаюсь привыкнуть к тому, что теперь я — отец, — ответил он с легкой улыбкой, — но пока получается плохо.

Хватило этих слов, чтобы я вновь поднялась с подушек:

— Я хочу ее видеть!

На этот раз головой качнул Георгий:

— Магиана запретила тебе до утра вставать. — И тут же успокоил: — С ней кормилица, нянюшка и мама Лиза.

— Ну, если мама Лиза, — улыбнулась я, мгновенно успокоившись.

Мама Лиза была старшей кухаркой. На кухне сама уже давно не копошилась — возраст, руки стали не такими быстрыми, как раньше, но без ее веского слова в вотчине кастрюль и половников даже с места на место ничего не передвигалось.

А еще она была хранительницей графского дома. Мягкая, отзывчивая, уютная. Заменить Георгию умершую от лихорадки мать вряд ли смогла, но сделала эту потерю менее болезненной.

Заботой в свое время окружила и меня, помогая смириться с нелюбимым мужем и научив, что для семьи важнее совершенно другие чувства.

— Приляжешь? — я немного сдвинулась, освобождая для него место.

Тело было слабым, утомленным, но эта усталость казалось приятной. В ней имелся смысл. Такой огромный, всеобъемлющий!

Я стала матерью! У меня родилась дочь!

«У нас», — поправила я себя мысленно. Мы стали родителями и у нас родилась дочь.

— Ты умеешь соблазнять, — фыркнул Георгий. Наклонился, снял домашние туфли, лег поверх одеяла, повернувшись ко мне: — Я смотрю на тебя и не могу понять, что изменилось?

— Я простоволоса и без макияжа, — я попыталась свести к шутке его вопрос. Уж больно оказался сложен. Хотя бы в том, что Георгий, со своим умением все подмечать, не пропустил того внутреннего покоя, который я ощутила, услышав первый крик дочери.

Что было в нем?! Всего лишь плач только что появившегося на свет ребенка.

В тот момент я заново родилась вместе с ней. Уже для другой жизни. Для той, в которой будет она, я и ее отец.

— Ты плачешь? — Георгий провел ладонью по моему лицу, стирая предательскую влагу.

— С нами, женщинами, такое бывает, — сделала я слабую попытку улыбнуться, но вместе этого всхлипнула.

Жалость, тоска, пришедшее только сейчас четкое, осознанное понимание, что для меня Эндрю потерян навсегда, накатившая волной нежность к крохе, что лежала в люльке всего лишь за дверью, отделявшей одну комнату от другой, благодарность к мужу, не только подарившему мне дитя, но и сумевшего пробудить во мне искреннюю привязанность...

Все это было таким острым, болезненным.

— Я впервые вижу слезы на твоих глазах, — с легкой укоризной произнес Георгий.

Невольно сжалась — ко всему прочему еще и это, но муж сделал то, чего я в этот момент совершенно не ожидала. Придвинулся ближе, прижимая к себе, подsunул руку мне под голову, разделяя душевную боль, давая опору этим простым, но столь естественным для него порывом.

— В них немало от счастья, — затихая от его тепла, вздохнула я. — Это были не самые легкие сутки в моей жизни, но я готова их повторить. — Он многозначительно хмыкнул, а я поторопилась поправиться: — Годика так через два.

— Думаешь, я буду с тобой спорить? — засмеялся он мне в самое ухо. И тут же добавил: — А теперь — спи, а то мама Лиза утром отшлепает меня, как когда-то в детстве.

— Она тебя шлепала? — развернулась я к нему. Приподнялась, заглянув в глаза.

— Я был проказником, — Георгий чуть надавил мне на плечо, понуждая лечь. — Шлепала не больно, но обидно.

— Она мне об этом не рассказывала, — «огорчилась» я.

— Вот Елена подрастет, у мамы Лизы появится повод пожаловаться на меня, — пообещал Георгий.

— Елена? — переспросила я.

Об имени для ребенка мы с ним говорили. Однажды даже пару дней, поссорившись, молчали, не сойдясь во мнении. Он хотел назвать сына Александром, я...

Я — Андреем.

— Тебе уже не нравится? — муж сделал вид, что удивлен моим непостоянством.

— Ты же хотел назвать ее Светланой, — напомнила я нашу договоренность, которой закончился спор. Мальчика называю я, девочку — он.

— Хотел, — улыбнувшись, согласился Георгий, — но, увидев, понял, что это — Аленка.

— Елена Георгиевна Орлова, — произнесла я вслух, мысленно представляя себе не крошку, которую прижимала к груди, а юную барышню, которой она когда-нибудь станет. — Красиво! — признала я его правоту.

— И напоминает тебя, — поцеловал он меня в лоб. — А теперь спи.

— А ты не уйдешь? — по-детски капризно, протянула я.

— Не уйду, — заверил он и посмотрел так, словно его слова значили значительно больше, чем таилось в моем вопросе.

Но мысль об этом лишь мелькнула и растаяла в мягкости принимающего меня в свои объятия сна.

Муж был прав, я действительно нуждалась в отдыхе.

* * *

День выдался тяжелым, душным, безветренным. Воздух был полон непролитой воды, но гроза, которую ожидали еще прошлым вечером, так и не разразилась. Ночью небо было ярким, звездным, да и теперь, когда перевалило за полдень, оставалось высоким и белесо-голубым, прозрачным, как пустое молоко.

— Вы бы отдохнули, госпожа, — подошла ко мне кормилица Алены. — Господин граф...

— Господин граф опять будет недоволен, — устало улыбнулась я ей. Оглянулась на колыбельку.

Елена спала беспокойно. Хмурилась, морщила носик.

Эта погода ей тоже не нравилась.

— Идите, госпожа, идите, — поддержала кормилицу мама Лиза.

Они обе были правы — Георгий должен был скоро вернуться из Штаба, куда его вызвали, но уходить из детской не хотелось. Рядом с дочерью я чувствовала себя не просто счастливой — нужной. Ее крохотным ручонкам, ее пальчикам, ее глазкам.

Георгий называл меня сумасшедшей мамочкой.

Любя называл.

— Хорошо, — вздохнув, согласилась я. — Но если...

— Солнышко мое, — мама Лиза уперла руки в пышные бока, — ты, что же думаешь, не управимся?!

Речь ее была грамотной — она не только окончила поварскую школу, но и некоторое время преподавала там же, но иногда, когда начинала яриться, вдруг вспоминала, что вышла из простого сословия.

— Не думаю, моя грозная матушка, — порывисто подошла я к ней, поцеловала в морщинистую щеку и, уже чинно, как положено благородной даме, направилась к двери.

— И — графиня, и дите родила, а все девчонка-девчонкой. — проворчала она мне вслед. И тут же шикнула на кормилицу: — А ты — ничего не слышала!

— Как прикажете, мама Лиза, — покорно откликнулась та, похоже, ничуть не испугавшись.

Наверное, это и было счастьем:

Наверное?

Мысль лишила последних сил, так что, выйдя в коридор и плотно прикрыв за собой дверь, я прижалась к прохладной стене, давая себе передышку. Утро выдалось тяжелым. Затихала Алена только у меня на руках.